

Сергей Тепляков. Фото Натальи Тепляковой

Имя Василия Шукшина для каждого жителя Алтайского края всегда звучит по-особому: так, как будто «лизнет по сердцу мгновенно горячее чувство» — так же, как и для самого писателя звучало слово «Алтай». Поэтому любая книга, посвященная жизни и творчеству нашего известного земляка, сразу же попадает в фокус внимания региональной общественности. И уж тем более, если это биографическая книга о Шукшине.

Всякий раз появление нового жизнеописания Василия Шукшина становилось настоящим

событием. Потому что — кумир. Потому что — много тайн и белых пятен в биографии. А читателю всегда хочется знать больше и раскрыть все тайны жизни кумира. Книги Владимира Коробова «Василий Шукшин» и «Вещее слово», «Шукшин» Алексея Варламова из серии «ЖЗЛ» и ее ремейк в серии «Алтай. Судьба. Эпоха» стали своеобразными вехами в истории изучения жизни и творчества Шукшина. Как ни одна литературоведческая монография по творчеству Шукшина, вышедшая до 2015 года, не могла быть написана

без ссылок на книги Коробова, так теперь невозможно представить изучение наследия алтайского писателя без книги Варламова. Каждая из них создала свой биографический миф о Шукшине, раскрыла новые, неизвестные ранее факты его биографии, каждая стала своего рода открытием нового Шукшина. Эти вершинные труды в биографическом шукшиноведении вкупе с замечательной книжкой Василия Гришаева «Шукшин. Сростки. Пикет», изданной еще в 1994 году, трехтомным энциклопедическим словарем-справочником «Жизнь и творчество В.М. Шукшина» (2004–2007) и новейшим девятитомным собранием сочинений В.М. Шукшина (2014), которое отличается не только полнотой текстов, в т.ч. и нехудожественных — писем, автобиографий, рабочих записей, инскриптов (автографов), но и подробным их комментарием и развернутой вступительной статьей-жизнеописанием, образуют настоящий шукшинский биографический канон. Без обращения к нему сегодня невозможна серьезная работа ни одного литературоведа, изучающего жизнь и творчество Василия Макаровича Шукшина.

Написать новую биографическую книгу в подобной ситуации — поступок. Это подразумевает желание автора либо противопоставить себя канону (весьма частотная стратегия) или самому войти в канон (весьма амбициозная стратегия).

Сергей Тепляков как писатель всегда амбициозен. Это один из немногих по-настоящему профессиональных писателей на Алтае, в том смысле, что продажа собственных книг — его заработок. Не надеясь на поддержку властей предрежущих, не участвуя в издательских конкурсах, не ропща на «тяжелые нынешние условия», он каждый год радуется своих читателей новой книгой, самостоятельно изыскивая средства на ее издание. Такая позиция дает право на независимость и не может не вызывать уважения. Но есть у нее и обратная сторона: книги Сергея Теплякова рассчитаны на коммерческий успех у публики. Отметим жанровое разнообразие произведений писателя, при этом биография — один из тех жанров, которые сделали имя Теплякову-писателю. Разрассеяна и галерея литературных героев — *vir-persona* Теплякова. Ранее он обращался к биографиям Наполеона, Михаила Евдокимова, Валерия Золотухина. И вот теперь взялся за Василия Шукшина.

Что получилось?

Начнем с заглавия. «Василий Шукшин: «А любить надо»». Цитата в заголовке — это фрагмент записи В.М. Шукшина из рабочей тетради, хранящейся в фондах ВММЗ В.М. Шукшина в с. Сростки и датированной 1961 годом. Впервые она опубликована в восьмитомном собрании сочинений писателя (2008): «А любить надо. Так же, как мы невольно заслоняемся от удара, так и любить надо — произвольно. Мы с этим родились. Это наш инстинкт». Выбор малоизвестной рабочей записи для заголовка, на первый взгляд, выглядит удачно. Оригинально. Красиво. Так в заголовке книги слышится слово самого Шукшина.

Но есть один нюанс. Писатель явно имел в виду не любовь к малой родине, матери, профессии... Он писал о любви к женщине. Заголовок книги

Сергея Теплякова, таким образом, формирует вполне определенные коннотации и ожидания у читателя. Возможно, перед нами, подобно книге Тамары Пономаревой «Потаенная любовь Шукшина», очередная шукшинская love-story? Вовсе нет! Конечно, про отношения Шукшина с женщинами Сергей Тепляков рассказывает, но это все вплетено в общий ход жизнеописания, среди прочих фактов биографии автора «Печек-лавочек», наряду с эпизодами работы над литературными и кинопроизведениями, отношениями с друзьями, конфронтацией с чиновниками Госкино, студийным руководством и т.п., и не является смысловой доминантой текста.

Обратимся к содержанию книги. Отметим, что Сергей Тепляков обобщил значительный объем накопленной в медиапространстве информации о жизни Шукшина и переработал ее для широкого круга читателей. На сегодня — это, пожалуй, самая полная биография Василия Макаровича с фактографической стороны. Особенность книги в том, что автор (сказалось журналистское прошлое!) привлек большое количество материалов СМИ, которые разбавляют и местами оживляют ожидаемый в подобных случаях академизм жизнеописания. Издержки этого метода — бульварный оттенок некоторых публикаций (см., например: Меленберг А. Как дрался Василий Шукшин. И как потом извинялся // Новая газета. — 2009. — 25 июля), что подрывает доверие к ним со стороны профессиональных шукшиноведов.

Отдадим должное: читается книга легко, каждая глава имеет умеренный объем и отражает важный этап жизни и деятельности автора «Калины красной». Сергей Тепляков к месту использует собственный историко-бытовой комментарий к событиям в жизни своего героя, к культурной и политической ситуации в СССР 1930–1970 годов.

Обидно, что при всей скрупулезности автора в текст книги закралась досадная неточность. На с. 69, говоря о жизни Шукшина-юноши в Калуге, Сергей Тепляков пишет: «Хотел ли он сам [Шукшин — Д.М.] стать офицером? Вряд ли. В своих рассказах он нигде на себя офицерские погоны не примеряет <...>». Ну как же? А в рассказе «Мечты» (1973), позднем, но там, где Шукшин вспоминает свою калужскую молодость и тогдашние заветные мечты о будущем: «Самому жить хотелось, действовать, может, бог даст, в офицеры выйти». Совершенно очевидно, что этот вариант «социального лифта» рассматривался молодым Шукшиным. В фондах музея в Сростках хранятся отрывки из недатированного письма (вероятно, конца 1940 — начала 1950 гг.) к двоюродному брату Александру Кибякову, советскому офицеру, в котором Василий рассуждает о привилегиях военной службы.

Печально, что Сергей Тепляков повторил ошибку рижского литературоведа Павла Глушакова, в 2013 году «открывшего» якобы «первые рассказы» Василия Шукшина. «Это, в общем, настоящая литературно-археологическая сенсация, ничуть не меньшая, чем золото Трои или Тутанхамона», — пишет по этому поводу Сергей Тепляков (с. 158). К сожалению,

в свое время Павел Глушаков невнимательно прочел книгу Владимира Коробова, изданную в 1984 году, где эти вовсе не «первые рассказы», а учебные студенческие режиссерские этюды Шукшина, упоминаются в связи с их оценкой и комментарием в дневниках ассистента Михаила Ромма Ирины Жигалко: «Шукшин — "Глаза". Глубоко и метко, психологично написана сцена проводов новобранца в армию... Но все же хотелось бы более четкой организации материала... То, что действие не развивается, нельзя ставить в упрек студенту — задачу нарисовать то, что видишь, картинку жизни, это задание выполнено. Метко написаны портреты...» (Коробов В. Василий Шукшин. — Москва, 1984. — С. 38). Отметим, что режиссерский этюд — специфический жанр, далекий от рассказа, в котором студент должен показать особое кинематографическое видение. Характер художественных средств здесь иной, чем в литературе (вспомним статью Шукшина «Средства литературы и средства кино»!). К первым рассказам Шукшина, которые он по совету Ромма рассылал веером по редакциям толстых журналов, они не имеют отношения. И рижанина, и Сергея Теплякова понять можно: они были очарованы магией чувства первооткрывателя. В текстологии подобная ситуация называется «забвением атрибуции» произведения, когда вторично открывается то, что было уже когда-то открыто другим литературоведом. Самый известный случай: в 1939 году в тбилисской газете «Заря Востока» было опубликовано «неизвестное» стихотворение Грибоедова. Литературовед В. Орлов назвал вскоре его автора и дату первой публикации (Е. Зайцевский, 1825). Тем не менее в 1967 году стихотворение опять появилось в печати, снова в качестве грибоедовского! Справедливости ради надо отметить, что Глушаков не был и «вторым первооткрывателем» студенческих этюдов Шукшина. В 2000 году вышел документальный фильм «Абитуриент с Алтая» (реж. Олег Шухер, студия «Чистые пруды» Международного фонда развития кино и телевидения для детей и юношества («Фонд Ролана Быкова») ВГИК им. Герасимова), где рукописи этих этюдов из архива Ирины Жигалко стали сюжетообразующим стержнем, а отрывки из них звучат в фильме.

Язык и стиль Теплякова-писателя в целом не вызывают нареканий. Книга, как мы уже отмечали, читается легко, от нее не устаешь, написана простым и ясным языком. Филолога, пожалуй, покорабят некоторые огрехи стиля. Например, повествование в книге с первых страниц ведется от третьего лица, и следующие внезапные переходы к повествованию от первого лица звучат диссонансом в общей ритмике текста: «Я полагал, что она [Б.А. Ахмадулина — Д.М.] была на Алтае. Решив написать о ней, через поэта Юрия Жильцова <...> я отыскал ее телефон и позвонил» (с. 214).

Каждый биограф Шукшина сформировал свой шукшинский миф из ключевых фактов и белых пятен биографии писателя, вокруг которого и развивается действие книги. У Коробова Шукшин — пророк, явившийся в столицу из глубинки, чтобы сказать правду о том, «что с нами происходит»,

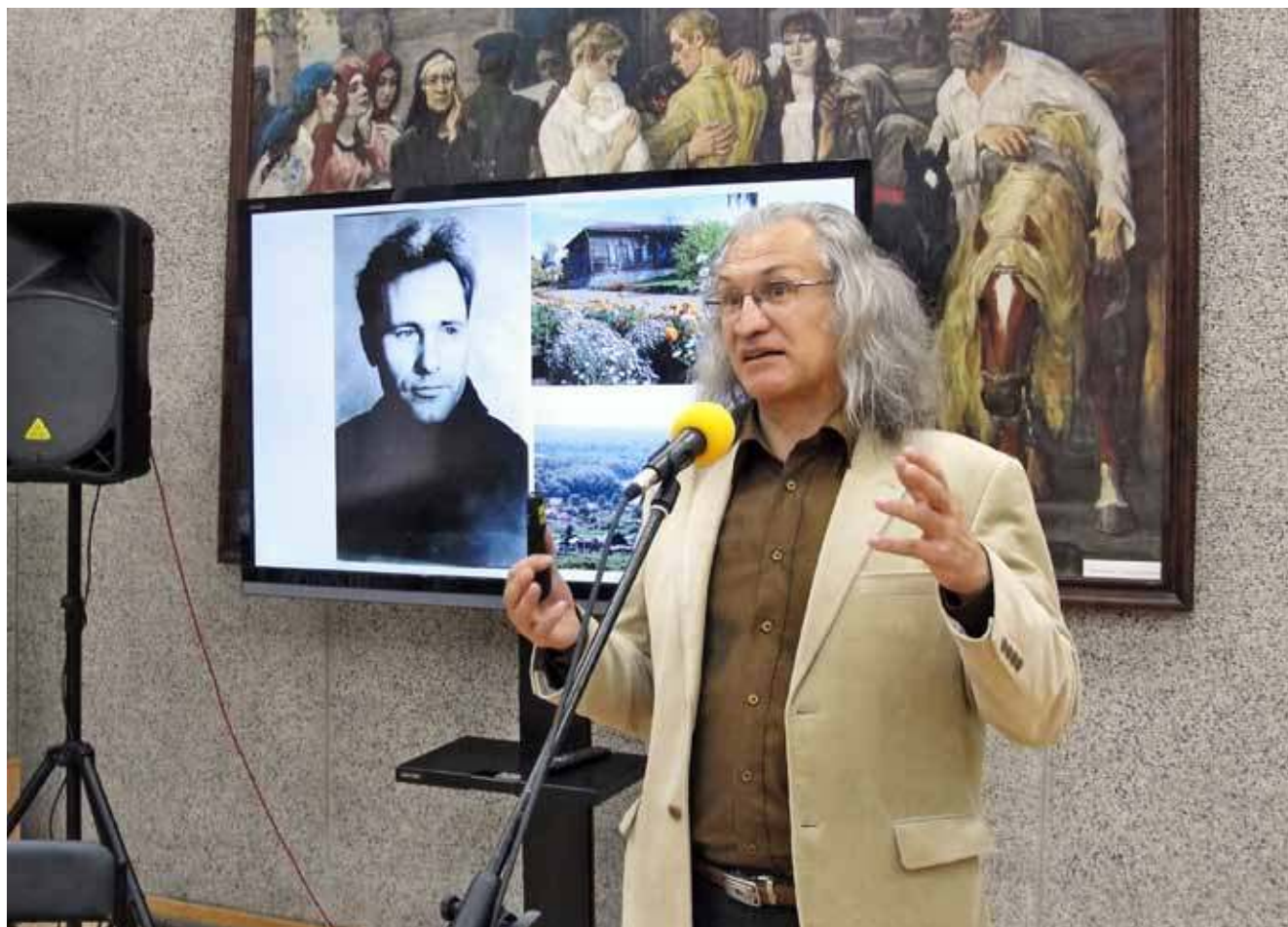
но чье вешее слово услышали не все. В книге американского шукшиноведа Джона Гивенса¹ — это блудный сын, оставивший родной дом и мать, оторвавшийся от своих корней в надежде на успех в Москве, остро чувствовавший свою вину, что и нашло в итоге отражение в его художественном творчестве. Алексей Варламов, в начале своей книги продекларировав отказ от (авто)биографических мифов в жизнеописании Шукшина, по сути создал несколько новых. Например, о гипотетической встрече героев своих книг — Василия Шукшина и Андрея Платонова во дворе Литературного института весной-летом 1949 года. Шукшин, исчисленный, прошедший мифологическую дезактивацию, — преснен, неинтересен и маловероятен. Сергей Тепляков, к сожалению, ограничился изложением фактической стороны жизни Шукшина и собственным комментарием к отдельным эпизодам биографии великого отечественного писателя и кинорежиссера. Стержня мифологемы в книге, увы, нет!

В случае с Михаилом Евдокимовым и Валерием Золотухиным Сергей Тепляков был первым, кто создал их жизнеописания. Более того, он при жизни своих героев не раз имел возможность общаться с ними, смог сформировать свое, субъективное представление об этих персонах, и потому эти биографические работы сами по себе интересны, уникальны и, без сомнения, займут важное место в формирующихся пока «житийных канонах». В случае с Василием Шукшиным ситуация другая. Во-первых, как мы уже говорили выше, биографический канон Шукшина уже сложился. И тот, кто вне канона — или идет по лыжне вслед за предшественниками, но тогда не понятен смысл новой книги, или ломает ее, открывает новое, доселе неизвестное в биографии «замечательного человека». Иначе: расширяет старый или создает новый канон.

Сергей Тепляков с живым Шукшиным говорить, конечно, не мог, описанные в книге его встречи с жителями Сrostок, знавшими автора «Калины красной», родных или коллег по киноцеху, признаемся, малоинформативны и вряд ли способны добавить что-то новое к портрету Шукшина. В этом есть и объективный момент: приходится констатировать, что биография Василия Макаровича Шукшина трудами Владимира Коробова, Василия Гришаева, Алексея Варламова и шукшиноведов АлтГУ в целом реконструирована. Да, отдельные моменты жизни Шукшина — главным образом 1947–1952 годы² — еще нуждаются в прояснении. Но они радикально изменить биографию Шукшина уже не смогут. Сергей Тепляков в своей книге лишь перерабатывает уже накопленный материал, пусть и скрупулезно, пусть и обращает наше внимание на какие-то

¹Givens J. Prodigal Son: VasiliShukshin in Soviet Russian Culture. — Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2000.

²Это период отъезда Василия Шукшина из Сrostок после ухода из Бийского автотехникума, годы работы во Владимире, Калуге, Подмоскowie и службы в ВМФ. «Казанская история», запущенная в оборот некогда еще В. Коробовым с подачи Б. Никитчанова, которой С. Тепляков уделяет внимание и в своей книге (с. 58–61), на наш взгляд, не более чем легенда.

Презентация книги в библиотеке им. В.Я. Шишкова. Фото Олега Укладова

отдельные детали, на которых его предшественники не фокусировались (например, была у Шукшина татуировка на руке или нет?), но в целом новая книга не эвристична. В рамках шукшиноведения она не раздвинет горизонта научных исследований, вряд ли станет настольной книгой профессионального исследователя жизни и творчества Шукшина, как это было (и есть) с книгами Коробова и Варламова. Литературоведы вряд ли будут ссылаться на нее в своих статьях и диссертациях.

Да книга Сергея Теплякова и не рассчитана на этих адресатов. Она — для неофитов. Для рядовых посетителей музея-заповедника в Сростках. Для туристов, заскочивших на Пикет. (Неслучайно на переплете имеется надпись: «К 90-летию писателя, актера, режиссера, земляка...») Это — хороший (и познавательный) сувенир с Алтая, качественный коммерческий продукт, рассчитанный на самого широкого потребителя. И отдадим должное, что писатель Тепляков не обманывает покупателей: купив книгу, деньги они потратят не зря.

Как это ни странно может показаться, одна из главных заслуг книги Теплякова в том, что она обнажила актуальную проблему создания жизнеописания Шукшина. Очевидно, что написание подобных нарративных биографий алтайского самородка как метод исчерпало себя, потеряло познавательный смысл. Вряд ли теперь кто-то

добавит к уже известным фактам биографии Шукшина что-то существенное, новое, способное изменить наши представления о его жизни. Отныне каждая новая биография Шукшина в подобном формате будет лишь очередным переложением, пересказом уже существующего жизнеописания. Очевидно, что сегодня необходим принципиально новый подход при создании шукшинской биографии. Пути тут два. Это может быть точечный глубокий поиск по конкретным событиям в жизни писателя — этим путем шел в своих работах Василий Гришаев («Сростинское дело», учеба в Бийском автотехникуме, служба в ВМФ).

Или, что кажется нам более интересным, необходим опыт ХУДОЖЕСТВЕННОГО жизнеописания Шукшина, байопик. Художественное познание в области биографии Шукшина может дать результаты там, где научное стало не эффективным. Роман или кинофильм о Василии Шукшине могут натолкнуть мысль исследователей на новые направления поисков, в форме художественных образов представить Шукшина-человека, приблизить его к рядовому читателю или зрителю. Ведь неслучайно и сам Василий Макарович, утверждавший, что о жизни и борьбе Степана Разина он мог защитить диссертацию, в итоге написал роман о крестьянском вожаке и буквально накануне смерти приступил к съемкам фильма о нем.

Будем ждать биографии Шукшина в новом формате! ■